

АЛЕКСАНДР ТИМОФЕЕВИЧ ХРОЛЕНКО

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета, Курский государственный университет (Курск, Российская Федерация)
khrolenko1938@gmail.com

САМОРОДНОЕ СЛОВО В ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ф. И. БУСЛАЕВА

В работах Ф. И. Буслаева активно используется понятие «самородность», выступающее в форме прилагательного *самородный* в значении ‘природный’ (*самородные поэмы, самородная поэзия*). Естественным образом самородно и народное слово. Самородность Буслаев связывает с независимостью от личного произвола. Базовым признаком самородности является ее морально-этическое содержание. Единство народа и личности в творческом акте объясняет парадокс – «беспримерную ровность русского языка в его местных применениях». Самородность народного языка обнаруживает неоднослойность слова и текста, а также наличие смысловой аккумуляции в языковых единицах. Аккумуляция объясняет свойство языка быть основным этническим признаком, является базой эвристики и креативности слова, источником познания. Так, изучение истории народа невозможно без обращения к языку, в котором отразился пройденный народом путь. Идеи Буслаева о самородности народнопоэтического слова легли в основу будущей лингвофольклористики, которая у филолога началась с наблюдений над именами собственными в фольклорных текстах и анализа постоянных эпитетов как результата лаконизма традиционной культуры. Буслаеву принадлежит мысль о целесообразности словаря постоянных эпитетов, посредством которого можно достоверно определить, во что вдумывался русский человек. Он первым оценил познавательную и инструментальную пользу лексикографизации лингвистических методов. Исследуя самородное слово, Буслаев фактически стал первым отечественным филологом в самом современном смысле этого слова.

Ключевые слова: Ф. И. Буслаев, самородное слово, неоднослойность текста, аккумуляция культурных смыслов, лингвофольклористика, постоянный эпитет

В дни юбилея Федора Ивановича Буслаева (1818–1897) вспомним, что языкознание – это «наука возвратов» (О. Н. Трубачёв), и вновь откроем книги замечательного русского ученого – «О преподавании отечественного языка» (1844), «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (1861), а также итоговый мемуарный труд «Мои досуги» (1886) и попытаемся еще раз представить себе научную картину мира выдающегося филолога, увидеть, как разнообразие исследовательских интересов и гуманитарный энциклопедизм складывались в ту концепцию, которая определила вклад ученого в отечественную культуру.

Важно подчеркнуть, что Ф. И. Буслаев родился и формировался в то время, когда в Европе, включая Россию, господствовал романтизм, когда усилиями Ф. Вольфа и А. Бёка складывалась новоевропейская филология, ориентированная на живые языки, когда В. фон Гумбольдт размышлял над философскими вопросами языка и когда Р. Раск, Ф. Бопп, Я. Гримм и А. Х. Востоков создавали самый мощный в истории гуманитаристики сравнительно-исторический метод. Однако для формирования концепции важны не только время и личная талантливость ученого, важна та идея, «изюминка», которая способствует кристаллизации массы наблюдений, выводов и предположений автора концепции. Заметим,

что в научной картине мира Ф. И. Буслаева центральное место заняло понятие «самородность», вербализованное словом *самородный*. На страницах «Исторических очерков» не раз встретятся *самородные поэмы*, а также *самородная поэзия*. В годы, когда писались «Исторические очерки» Буслаева, другой ревнитель русского языка – Даль готовил к изданию свой великий Словарь, в четвертом томе которого истолковывалось прилагательное *самородный* как ‘природный’, противоположный *искусственному, деланному*¹.

Перечитывая I том «Исторических очерков русской народной словесности», постепенно приходишь в содержание прилагательного, ставшего в концепции Ф. И. Буслаева базовым термином. Самородный – в своем происхождении независимый от личного произвола. В слове, полагал ученый, народ видит не произвольную мысль отдельных лиц, а мыслительность целых поколений, никому неведомо – когда и как образовавшуюся. В силу этого самородное принадлежит всем.

Как самородная эпическая поэзия есть произведение всей массы народа, получившее начало неизвестно когда, слагавшееся и изменявшееся в течение многих веков и переходившее из рода в род по преданию, так и язык есть общее достояние всего народа, объемлющее в себе деятельность многих поколений. Как сказка, как

предание, язык принадлежит всем, а потому, замечает Ф. И. Буслаев, кто поет песню или рассказывает сказку, тому она и принадлежит как его литературная собственность. Фундаментальным признаком самородности является ее морально-этическое содержание.

...Едва ли можно допустить в эпической самородной поэзии не только решительное оскорбление нравственного чувства, но даже и малейшее намеренное уклонение от добра и правды².

Естественным следствием кооперации народа и личности в творческом акте становится диалектность языка и традиционной культуры. Ф. И. Буслаев отмечает как парадокс беспримерную ровность русского языка в его местных применениях. Провинциальные говоры не искажают первоначального организма русского языка, а только развивают его богатства и потому все вместе составляют величественное целое, которое мы называем народным языком русским. Чтобы понять основные свойства русского языка, надо обратиться к изучению областных наречий.

Благодаря самородности народный язык, по оценке Ф. И. Буслаева, свободен в производстве и образовании слов, необыкновенно чувствителен в сочетании звуков для выражения непосредственных впечатлений, прост и ясен в синтаксическом сложении. Эти свойства делают язык до бесконечности разнообразным в его местных видоизменениях и выгодно отличают его от литературного или делового языка (см., напр., [5]) с его «стеснительными границами».

Размышления о самородности слова ведут к предположению о наличии такого свойства, как неоднослойность.

В свое время М. М. Бахтин говорил о двух полюсах текста. С одной стороны, за каждым текстом стоит система языка, которой в тексте соответствует все повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста. С другой – каждый текст как высказывание является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым. Об этом же на примере живописного полотна рассуждал испанский философ Х. Ортега-и-Гассет. Первое, с чем мы сталкиваемся, – мазки на холсте, складывающиеся в картину внешнего мира. Второе – внутренняя жизнь картины, мир идеальных смыслов, пропитывающих каждый отдельный мазок. Эта скрытая картина не привносится извне, она зарождается в картине и только в ней живет. Аналогичная мысль уже на примере художественного текста высказывалась Д. С. Лихачевым. Над текстом, писал замечательный филолог, витает еще некий метасмысл, который и превращает текст из простой знаковой системы в систему художественную.

Второй «слой», вне всякого сомнения, отличается сложностью. Это то, что недифференцированно относят к смысловому пространству тек-

ста. На этом уровне базируется так называемая память языка, осуществляется аккумулирующее свойство слова, возникает предположение о «невной» культуре, которую называют «скрытой», «имплицитной» и которая проступает как тончайший намек, непонятный даже самим ее носителям, как легкие «дуновения», самые невероятные «бормотания» культуры, основополагающие ее самобытность как своеобразное «поле культурного подразумеваемого». В лекции по истории отечественной литературы, прочитанной наследнику престола, которого он обучал, Ф. И. Буслаев заметил, что под легкою игрою словесного произведения кроется нечто более существенное, нечто необходимое для нравственного бытия и отдельного человека, и целого народа [2: 420].

Напрямую о неоднослойности Ф. И. Буслаев не писал, однако косвенное признание неоднослойности слова и текста в концепции филолога видится прежде всего в смысловой аккумуляции, о которой он заговорил одним из первых. Слово не только практическое устройство передачи информации, но и инструмент мысли и аккумулятор культуры. Ф. И. Буслаев процесс аккумуляции представлял себе следующим образом: один и тот же герой в продолжение столетий действует в различных событиях народных и тем определяет свой национальный характер. Так и язык, многие века применяясь к самым разнообразным потребностям, становится сокровищницей всей нашей прошедшей жизни [3: 271]. Великий Пушкин обобщил это в своей формуле: «Москва... как много в этом звуке для сердца русского слылось! Как много в нем отозвалось!» (Евгений Онегин, XXXVI). Способность аккумулировать в себе культурные смыслы – свойство живого языка. Смысловая аккумуляция слова объясняет, почему при изучении иностранного языка нужны так называемые фоновые знания, что затрудняет перевод текстов, и почему так своевольна коннотация, а также многое другое.

Слово для Буслаева – «вернейшее хранилище предания». И в силу этого язык – самый важный этнический признак. Свою национальность народ определил языком, и по этой причине слово *язык* используется в значении 'народ'. Современные авторы философских работ с удовольствием вспоминают тезис немецкого мыслителя М. Хайдеггера – «Язык есть дом бытия», сформулированный философом в XX веке. Веком ранее Ф. И. Буслаев написал о слове: «Оно исключительно принадлежит народу, как *родной дом*... (выделено нами. – А. Х.)»³. Весьма назидательно для нас звучит вывод великого предшественника: аккумулированное в слове – неисчерпаемый источник познания. Ф. И. Буслаев признавался, что ему гораздо интереснее было анализировать только терминологию семейных отношений, именно самые слова: отец, мать, сын, дочь, брат,

сестра, свекровь, сноха, и на основании законов сравнительной грамматики возводить их к санскритскому языку для очевидного доказательства, что наши предки в незапамятные времена вместе с собою вынесли из своей азиатской прародины уже вполне благоустроенную семью [1: 300].

Опыт гуманитаристики показывает, что изучение истории невозможно без обращения к языку, в котором чрезвычайно достоверно и образно отразился весь пройденный народом исторический путь [6]. Об этом писал выдающийся русский языковед И. И. Срезневский:

Каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа, тем более важный, чем важнее понятие, им выражаемое. Дополняя одно другим, они все вместе представляют систему понятий народа, передают быль о жизни народа [7: 103].

Учеником Ф. И. Буслаева был замечательный русский историк В. О. Ключевский, оставивший свои воспоминания «Ф. И. Буслаев как преподаватель и исследователь». Историк обязан филологу тем, что тот растолковал значение языка как исторического источника [1: 529]. Вот впечатление Ключевского от статьи Ф. И. Буслаева «Эпическая поэзия»:

Заглавие вызвало во мне привычные представления об эпосе, «Магабхарате», «Илиаде», «Одиссее», о русских богатырских былинах. Читаю и нахожу нечто совсем другое. Вместо героических подвигов и мифологических приключений я прочитал в статье лексикографический разбор, вскрывший в простейших русских словах вроде *думать, говорить, делать* сложную сеть первичных житейских впечатлений, воспринятых человеком, и основных народных представлений о божестве, мире и человеке, какие отложились от этих впечатлений [1: 529].

Будущий историк понял, что первое и главное произведение народной словесности есть самое *слово*, язык народа. Слово не случайная комбинация звуков, не условный знак для выражения мысли, а творческое дело народного духа, плод его поэтического творчества. Это художественный образ, в котором запечатлелось наблюдение народа над самим собой и над окружающим миром. В первых своих очертаниях этот образ заключился в корне слова. Язык всегда растет вместе с народной жизнью, и его история есть летопись этой жизни и летопись художественная, своего рода эпоса, в поэтических образах отразившая народные верования, понятия, убеждения, обычаи и нравы в темную эпоху их зарождения [1: 529–530]. Вот почему будущий историк с благодарностью вспоминал уроки и советы Буслаева, которые касаются строения языка и его связи с народным бытом, учил своих учеников читать древние памятники, разбирать значение, какое имели слова на языке известного времени, сопоставлять изучаемый памятник с другими одновременными и посредством этого разбора и сопоставления приводить его в связь со всем складом жизни и мысли того времени [1: 530].

Именно в силу аккумулятивности, явной неоднослойности слово для Буслаева было самым любимым предметом исследования. Удивительно слышать от профессионального лингвиста признания в том, что ему были нужны не сухие, бессодержательные окончания склонений и спряжений, а самые слова, как выражения впечатлений, понятий и всего мирозерцания народа в неразрывной связи с его религией и с условиями быта семейного и гражданского [1: 308]. Согласимся, что с этого тезиса начинается отечественная лингвокультурология.

Учение Буслаева о самородном слове способствовало возникновению идей, которые дали начало новым областям гуманитарного познания. Имеем в виду создание основ будущей научной дисциплины – лингвофольклористики, которая окончательно сформируется в последней трети XX столетия. Зерна этой дисциплины мы замечаем на страницах всех книг Буслаева, которые только что перечитывали и цитировали.

Само время, когда формировалась личность и творческие устремления будущего ученого, было тесно связано с общественным интересом к устному народному творчеству, вызванным европейским романтизмом. Результативной оказалась собирательская деятельность А. Х. Востокова в России, который обращается к народным стихам и задумывает издать свод фольклора «Цвет русской поэзии», а в 1810 году предлагает программу собирания народных песен. Собственноручную запись народной песни «Отдавала меня матушка» он передает собирателю народной лирики П. В. Киреевскому. Немецкие поэты-романтики Ахим фон Арним и Клеменс Брентано в 1805 году начали публиковать собрание немецких песен «Волшебный рог мальчика». Их младшие друзья Якоб и Вильгельм Гримм приступили к составлению и публикации сборника «Детские и домашние сказки». И. И. Срезневский три года путешествует по славянским землям, изучая говоры, собирая песни, пословицы и другие памятники народной словесности. Внимание к фольклору – это погружение в особый мир языка. Романтический интерес к слову неизбежно приводит к глубокому постижению языка, реализуемого в лексикографических и грамматических трудах.

Ф. И. Буслаев наметил контуры синтетической дисциплины о народной культуре, которая включает в себя элементы фольклористики, лингвистики, этнографии, науки о славянских древностях, сравнительной мифологии, искусствознания. В центре его исследовательского внимания всегда оставалась «сама духовная жизнь народа, перелитая в гармонические звуки родного слова» [2: 428–429].

Ф. И. Буслаев с самого начала был убежден в ценности устного народного творчества, которое является духовной собственностью «всех

и каждого». На нем складываются «первые основы его нравственной физиономии». Песня, сказка, поэтическое предание старины дороги народу не как способ заполнить досужее время, не только своими эстетическими стремлениями и поэзиями. Эти произведения служат дополнением к нравственному существу. В них находится уже готовое выражение тех сокровенных духовных начал, которые ему самому становятся доступны и ясны только в этой внешней, уже установившейся, окрепшей форме.

В фольклоре отчетливее всего проступает фундаментальное свойство «самородности» – способность поэтического творчества целых масс или поколений и творчества отдельной личности слиться во всеохватывающем широком потоке народной поэзии (см. подробнее [4]).

Интерес Ф. И. Буслаева к фольклорному слову пробудился на студенческой скамье под влиянием критика, историка литературы, поэта и академика С. П. Шевырѣва. Лекции профессора дали студенту, по его словам, «доступ в неисчерпаемые сокровища разнообразных форм и оборотов нашего великого и могучего языка». Будущий филолог впервые почувствовал тогда всю его красоту и сознательно полюбил его [1: 134]. Буслаев вспоминал, что лекции Степана Петровича об «Илиаде» и «Одиссее», об истории русской литературы пробуждали мысль о русских былинах, что эти лекции основывались не только на русских рукописях и старинных печатных книгах, но и на народных песнях и преданиях. Студенту запомнилось, что его педагог пользовался знаменитым собранием русских песен, которое принадлежало П. В. Киреевскому.

...Тогда я живо почувствовал и оценил великое значение народного быта, на разработку которого в преданиях русской земли я посвятил большую часть моих ученых работ [1: 136–137].

Неоднослойность самородного слова определила методологию исследований Ф. И. Буслаева, которую он проверил в своей педагогической деятельности: «Я соединил вместе уроки истории с изучением языка, слога и литературы».

Ф. И. Буслаев обратил внимание на такую особенность фольклорного текста, как повышенный удельный вес имен собственных, поскольку в сказке каждый персонаж наделяется собственным именем, а народная пословица умеет олицетворять свои сатирические намеки во всевозможных собственных именах. Явление это в известной мере парадоксальное. Имя собственное в принципе призвано индивидуализировать обозначаемое, но речь идет о фольклорном контексте, который отличается анонимностью, массовостью, стремлением к обобщению. Ф. И. Буслаев объяснил парадокс стремлением исполнителя добиться «живости повествования». Однако при этом ученый отметил наличие в имени собственном тенденции к обобщению.

Так, *Дунай*, кроме собственного имени, имеет нарицательное значение всякой реки и потому употребляется во множественном числе *Дунаи*: «за реками за Дунаеми» (как тавтологическое выражение). Собственное имя *Ильмень* имеет нарицательное значение широкого разлива реки, похожего на озеро, в астраханском наречии, и озера, обросшего камышом, в донском⁴.

В ряде случаев затруднительно интерпретировать причину использования и семантику имени собственного, как, например, в пословице из Словаря Даля: «Не у всякого жена Марья, кому Бог даст»⁵.

Полтора столетия спустя в монографии «Семантика фольклорного слова» [8] мы попытались ответить на вопросы, которые задал великий предшественник.

Приметной особенностью текстов традиционной культуры является постоянный эпитет.

В речи народной мысль, однажды приняв на себя приличное выражение, никогда уже его не меняет: отсюда точность и простота. Выражение, как заветная икона, повторяется всеми, кто хочет сказать ту мысль, для коей составилось первобытно. На этом основывается употребление постоянных эпитетов, в которых особенно очевидно постоянство и единообразие выражений народной речи [3: 285].

Постоянный эпитет – яркое проявление лаконизма русской традиционной культуры. В «Летописях русской литературы и древности» (1859, кн. 1) Ф. И. Буслаев заметил, сколько глубины мысли и верования, сколько жизненности народного быта заключается иногда в кратком сравнении, даже одном эпитете, которым народный певец определяет предмет речи⁶. И совсем не случайно в книге «Преподавание отечественного языка» автор мечтательно заметил, что полезно бы собрать все постоянные эпитеты для того, чтобы определить, в какие предметы преимущественно вдумывался русский человек и какие понятия присоединял к оным.

170 лет спустя курские лингвофольклористы М. А. Бобунова и А. Т. Хроленко осуществили эту мечту великого филолога, опубликовав первые выпуски словаря русского фольклора, а также конкордансы к текстам русских народных песен, в которых нашли свое место и постоянные эпитеты.

В разработке теории постоянного эпитета Ф. И. Буслаев воспользовался понятием «икона». Это не случайно. Еще в 1842 году в журнале «Москвитянин» молодой ученый публикует статью «Храм Св. Петра в Риме», а в 1851 году составляет небольшую монографию об античном поэтическом стиле и типах греческих божеств. Одновременно в поле его заинтересованного внимания вошла русская иконопись. Вот эта искусствоведческая подпитка языковедческих выводов обеспечила ценность исследовательского вклада ученого, который признавался в том, что открыл

в себе жизненную, потаенную связь между двумя такими противоположными областями своих научных интересов, как история искусства с классическими древностями и грамматика русского языка.

Суждение Ф. И. Буслаева о целесообразности словаря эпитетов – одно из первых в российской гуманитаристике размышлений о возможности лексикографизации методов филологического исследования. Ученый вспоминает, как на заре своей научной карьеры, возвращаясь в Россию из зарубежной академической командировки, в Варшаве посетил известного лексикографа С. Б. Линде, автора словаря польского языка. Двухчасовая беседа с опытным лексикографом и знакомство с его технологией словарного дела запомнились

на всю жизнь, и впоследствии он с благодарностью вспоминал о варшавском Линде, когда в пятидесятых годах, следуя его примеру, собирал разнокалиберный материал для своей большой грамматики, изданной в двух частях.

Смутное, еще не установившееся брожение идей, намерений и планов в раздвоении ученых интересов и досужих мечтаний между такими противоположными крайностями, как искусство и филология с лингвистикой, по признанию Буслаева, – объяснение феномена ученого, разгадавшего секрет русского самородного слова, что обеспечило расцвет отечественной филологии, единственной науки, интересы которой совпадают с интересами России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1978–1980. Т. 4. С. 135.

² Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности. Т. 1. Русская народная поэзия. М., 1861. С. 63.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же. С. 183.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 533.

⁶ Язык фольклора: Хрестоматия / Сост. А. Т. Хроленко. Изд. 2. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 28.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буслаев Ф. И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления. М.: Русская книга, 2003. 608 с.
2. Буслаев Ф. И. О литературе. М.: Художественная литература, 1990. 512 с.
3. Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1992. 512 с.
4. Буслаев Ф. И. Русский быт и духовная культура. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 1008 с.
5. Никитин О. В. Деловой язык русской дипломатии XVI–XVII вв. (формальные и стилиобразующие средства) // Филологические науки. 2005. № 1. С. 81–89.
6. Никитин О. В. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. // Русский язык в школе. 2005. № 5. С. 100–103.
7. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 135 с.
8. Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 140 с.

Khrolenko A. T., Kursk State University (Kursk, Russian Federation)

THE NATIVE WORD IN PHILOLOGICAL CONCEPTION OF F. I. BUSLAEV

In F. I. Buslayev's works, the conception of "nativity" is often referred to when one means native verses, native poetry. Naturally, the original word can also be called a "native word". The phenomenon of nativity is connected, according to Buslayev, with the independent existence from the arbitrary rule. The basic feature of nativity is its moral and ethical contents. The unity of the people and of the personality in their active work explains the paradox of the "unprecedented evenness of the Russian language in its local usage". The nativity of the language displays the absence of the word "nativity" in the text and its conceptual accumulation in language units. The accumulation accounts for the language ability to be the basic ethnic feature. It serves as a basis for heuristic processes and word formation and also acts as an instrument of cognition. Therefore, the study of peoples' history is impossible without the study of their languages, in which the history of the people is reflected. F. I. Buslayev's ideas, concerning the nativity of poetic words, became the basis of the future linguafolklore and of the analysis of regular epithets that displayed laconic brevity in traditional culture. The development of these ideas started with the observation of proper nouns in folklore texts. F. I. Buslayev put forward the idea of composing a dictionary of constant epithets that can help to determine the Russian people's thinking. F. I. Buslayev appreciated the value of lexicography and linguistic methods in lexicography. While studying the native word, Buslayev in fact became the first Russian philologist in the modern understanding of this term.

Key words: F. I. Buslayev, native word, texts heterogeneity, accumulation of cultural meanings, linguafolklore, constant epithets

REFERENCES

1. Buslayev F. I. My Leisure-time. Reminiscences. Articles. Meditations. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2003. 608 p. (In Russ.)
2. Buslayev F. I. About Literature. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 512 p. (In Russ.)
3. Buslayev F. I. The native Language Teaching: Educational textbook. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1992. 512 p. (In Russ.)
4. Buslayev F. I. Russian life and spiritual culture. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2015. 1008 p. (In Russ.)
5. Nikitin O. V. The business language of the Russian diplomacy of the XVI–XVII centuries (the formal and stylistic means). *Filologicheskie nauki*. 2005. № 1. P. 81–89. (In Russ.)
6. Nikitin O. V. Dictionary of the colloquial Russian language of the Moscow Russia of the XVI–XVII centuries. *Russkiy yazyk v shkole*. 2005. No 5. P. 100–103. (In Russ.)
7. Sreznevskiy I. I. Thoughts about the History of the Russian Language. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959. 135 p. (In Russ.)
8. Khrolenko A. T. Semantics of Folklore. Voronezh, Izd-vo VGU, 1992. 140 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 08.05.2018